

Если мы откроем ведомости о монастырях Рязанской епархии за дореволюционный период и захотим узнать историю Сушкинского Никоновского общежительного девичьего монастыря, то мы непременно познакомимся и с основателем этого монастыря Никоном Андреевичем Щербаковым. "Первоначально, а именно в двадцатых годах прошлого столетия на месте сего монастыря жил старец-прихожанин села Сушек Никон Щербаков. Бывши усердным старостою сельской церкви и желая, сколько возможно в его состоянии удалиться от мирской суеты, он для спасения души своей поблизости своей церкви в берегу речки Кирицы ископал для себя пещеру, в которой и подвизался до конца своей благочестивой жизни"- читаем мы в клировых ведомостях.

А о полной жизни старца- подвижника можно узнать из жизнеописания, которое было составлено в 1910 году протоиереем Скопинской Сретенской церкви Симеоном Соловьевым. Жизнь Никона (Аникея Щербакова) невольно обратила на себя внимание не только его современников, но и людей, живших позже. Искренним почтением веет от страниц "Жизнеописания". И действительно, не перестаешь удивляться милости Божией, какую посылает Он нам во спасение, даже, казалось бы, и тогда, когда на спасение и не надеешься. Симеон Соловьев описал нам жизнь будущего подвижника без прикрас, такой, какой она была, дабы показать на примере, что "Царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его" (Матф.11.12).

Никон Сушкинский (Никон Андреевич Щербаков) родился в 1764 году в деревне Кирицы Рязанской губернии при Кирицком зеркальном заводе от православных родителей – фабричного мастера Андрея Щербакова и законной его жены Евдокии. Достигнув совершеннолетия, он вступил в брак с дочерью мастера того же завода Татьяной Николаевной. Она родила ему четырех сыновей: Максима, Ивана, Тимофея, Михаила, и трех дочерей: Анисью, Софью и Матрону.

Никон Андреевич занимался при фабрике столярной работой, главным образом делал рамы для зеркал. Он был искусный и трудолюбивый мастер, а вместе с тем очень расторопный и честный человек. Поэтому владелец фабрики, немец Карл Иванович Генике, давал ему разные, довольно важные, поручения, например посылал его по торговым делам на Нижегородскую ярмарку.

Никон Андреевич был человек энергичный, имел живой, прямодушный и горячий характер, часто любил повеселиться и повеселить других – поиграть на гармонике, поплясать. Жизнь его за это время была далеко не безупречной, даже в отношении к жене, хотя она была очень хорошая женщина. Когда впоследствии во время подвижнической жизни преподобного Никона кто-нибудь с похвалой и удивлением говорил ему о его воздержании и подвигах, он всегда с глубокою скорбью и смирением отвечал: "Как же мне не поститься, не молиться и не наказывать себя! Ведь я был пьяница, ругательник и распутник! Куда я гожусь по грехам моим? Чего я стою?" О жене же своей преподобный говорил: "Ее место выше моего".

Между тем, имея от природы весьма хорошие способности и любознательность, Никон Андреевич знал много житий святых и разные христианские правила и обязанности. Будучи неграмотным, он при случае любил слушать чтение хороших книг и временами раскаивался в своей разгульной жизни и желал исправить ее, но лет до пятидесяти в его жизни не было почти никакой заметной перемены к лучшему. Раз на Масленице, в Прощеное воскресенье, Никон Андреевич был очень хмелен. Пришел он домой уже около полуночи, упал на пол и подвергся небывалому у него припадку – с ним произошли конвульсии, судороги, трясение тела, течение изо рта пены. Испуганные домашние не стали трогать его в таком состоянии и оставили лежать на полу. Наступил первый день Великого поста. Проспавшись, Никон Андреевич в полной мере осознал и восчувствовал, по благодати Божией, опасность своего нравственного состояния и твердо решил изменить свою жизнь. Не сказавшись никому, даже из домашних, он отправился странствовать по разным святым местам и пространствовал около года.

Когда Никон Андреевич возвратился домой и явился к своему помещику Генике, тот приказал жестоко наказать его за самовольную отлучку и несколько дней держал под арестом, потом потребовал, чтобы он по-прежнему работал при фабрике и никогда не делал отлучек из села без его разрешения. У Генике была очень добрая и благочестивая жена – Амалия Ивановна. Хотя она была неправославной, но молилась Богу по несколько часов в сутки, и нередко со слезами. Эта женщина стала заступаться перед своим мужем за Никона Андреевича, и тот простил будущего старца. Твердо решившись вступить на путь спасения души и оставить мирскую суету, Никон Андреевич не хотел уже возвращаться к прежней жизни. Он прекратил работать на фабрике и в первые годы новой жизни занимался только некоторыми домашними делами. Употребление водки совершенно оставил. Начал постоянно ходить в храм Божий, и не только по праздникам, но и в будни, когда лишь бывала там служба, прислуживал в алтаре, подавал кадило, зажигал свечи.

Видя особое усердие Никона Андреевича к храму, причт и прихожане села Сушек и Кирицы избрали его в церковные старосты. В этой должности он с особою ревностью и пользой для храма прослужил три года, но не захотел более продолжать этой службы. Отказавшись от должности церковного старосты, преподобный Никон начал постоянно путешествовать по святым местам. Он побывал почти во всех русских, более или менее замечательных, святых местах, а в некоторых монастырях бывал и по нескольку раз, особенно часто в Киеве. Дважды сподобил его Господь побывать и на Святой Земле, в граде Иерусалиме, где, по тогдашнему обычаю и желанию богомольцев, Никон Андреевич получил две печати на обеих руках. Клейма эти были одинаковыми – большие изображения осьмиконечного креста и при нем – трости с губкою, копия и столба с титлом. Когда впоследствии кто-нибудь хотел поцеловать руку преподобного, тот нередко говорил: "Лучше приложись вот к кресту-то на руке".

Во время путешествия по святым местам Никон Андреевич искал учителей покаяния и умной молитвы, проводил много времени в беседах с особо почитаемыми старцами и подвижниками, отчего имел большую опытность в духовной жизни. Подолгу путешествуя для поклонения святыням и для своего собственного духовного возрастания, Никон Андреевич не забывал и об оставленной им родине, особенно о храме, где он был старостой, равно как и о соседних небогатых храмах, и собирал на благоукрашение их деньги везде, где ему удавалось побывать. Но особенное постоянное попечение он имел о построении храма в родной Кирице, которая, имея более тысячи проживающих душ, но не имея своего храма, принадлежала ближайшему селу Сушки. Никон Андреевич не раз убеждал и упрашивал своего помещика, немца-лютеранина Генике, построить в Кирице православный храм, чтобы в его родном селении был самостоятельный приход и причт.

Во время своих путешествий по святым местам преподобный просил о пожертвованиях

на кирицкий храм многих состоятельных купцов и помещиков. Бывал он и на хорошо знакомой ему Нижегородской ярмарке и там также испрашивал пособия на храм у знакомых ему по зеркальной торговле купцов, а по их рекомендациям и у других лиц, обращался и к московскому купечеству.

Свои путешествия по святым местам преподобный Никон совершал (где только можно), конечно, пешком. При этом он, как и во всю свою дальнейшую подвижническую жизнь, носил на себе, в память и покаяние о совершенных грехах, очень тяжелые железные вериги с обручем вокруг шеи из широкой железной полосы с таким же поясом, а на груди – большой медный складень, состоящий из литых икон Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и святого Иоанна Предтечи. Сверх вериг он носил еще железную проволочную рубашку, поверх проволочной рубашки на Никоне Андреевиче была власяница, а только потом – тонкая (коленкоровая или льняная) белая сорочка. На голове преподобный носил несколько лет железную шапку, обшитую, конечно, черным плисом. В первые годы подвижничества Никон Андреевич носил башмаки с пробитыми насквозь гвоздями, которые кололи подошвы его ног до крови. Этот подвиг он нес за прежнюю любовь к пляске. Потом уже носил проволочные чулки, а поверх них – нитяные.

Невозможно и представить себе, как тягостно было продолжительное путешествие старца Никона по святым местам, особенно в жаркое летнее время, в таких тяжелых веригах. Тело его растиралось и кровоточило. Не легче старцу было путешествовать и во время суровой зимы. При этом нельзя не упомянуть, что преподобный Никон несколько лет ходил по снегу босым. Но такое хождение он оставил по совету протоиерея соборной церкви рязанского города Спасска Василия Филипповича во избежание прославления от людей. Впрочем, когда он не ожидал встречи с кем-либо на пути, то продолжал ходить босым; про случай же брал сапоги с собой и надевал их, когда замечал, что кто-нибудь идет ему навстречу.

Одевался Никон Андреевич зимой и летом в один тонкий халат. Наконец, после многократных и иногда продолжительных путешествий по святым местам, преподобный Никон совсем удалился от своего семейства и с благословения священника села Сушек начал жить в церковной караулке. Но в караулке Никон Андреевич не мог иметь полного уединения и свободы для молитвы и подвигов, притом не желал он и стеснять собою других. Поэтому, выпросив себе у крестьян села Сушек неподалеку от храма близ речки Кирицы небольшой участок земли на горе, построил первоначально небольшую деревянную келлию. Через несколько лет, по отсутствию Никона Андреевича, в ней случился пожар. Старец не стал возобновлять ее, а выкопал в горе небольшую пещеру – пяти аршин длины и четыре с половиной ширины, с одним небольшим окном.

Произошло это, конечно, не случайно. Как уже указывалось, Никон Андреевич часто с любовью посещал киевские святыни. По всей видимости, в пещерах Киево-Печерской Лавры зародилась у него мысль о пещерничестве. Скорее всего, именно оттуда принес он икону Матери Божией Печерскую, которую особенно почитал. Маслом из лампы, горевшей в его пещере перед этой иконой, он исцелял больных.

Стены пещеры преподобный обложил кирпичом. Постепенно он стал обносить и место, данное ему сушкинскими крестьянами, каменной оградой. Камень для ограды он возил сам за 10 верст на салазках, босой, хотя по своему обычаю и имел с собой сапоги. Устроив своими руками ограду, Никон Андреевич выкопал недалеко от келлии колодец и небольшой пруд. При колодце поставил деревянный крест, собственноручно сделанный, а на кресте поместил медное литое изображение Спасителя. Как сам он почитал этот крест, так желал, чтобы бывающие у колодца и пьющие из него воду с благоговением прикладывались к кресту.

В своей новой келлии преподобный Никон стал нести весьма тяжкие подвиги, насколько позволяли его силы, вначале очень крепкие. При всегдашнем посте, а он был великим постником, проводил большую часть времени в молитве, так что в течение суток спал только часа четыре и даже менее. Кровать его состояла из нескольких узких досок без всякой подстилки и только накрывалась холстиной и холодным одеялом. Под холстинную простыню Никон Андреевич подкладывал еще поленья дров и на них ложился спать.

На праздник Богоявления, после освящения воды в реке Кирицы неподалеку от его келлии, он всегда купался в иорданской проруби, приходил и уходил одетый во власяницу и легкий халат.

Для укрощения нечистых помыслов и большего умерщвления плоти Никон Андреевич много раз ходил летом в обширный лес и там подолгу лежал в муравьиной кочке. Как-то раз один сушкинский крестьянин, увидев его лежащим в муравейнике, очень испугался, но старец сказал ему: "Ступай, да молчи, пожалуйста". Все же про его подвиг местные крестьяне прознали и местные ребята ходили подсматривать за ним.

Когда в рязанском городе Ряжске стали строить соборный храм, преподобный Никон, по

живому сочувствию этому святому делу, выпросил у своего помещика позволение брать с завода кирпич на построение этого храма, сколько он сможет сам перевозить туда, и возил этот кирпич на тачке верст за сорок от Кирицы несколько лет подряд, пока строился храм. Тяжесть кирпича была так велика, что когда один человек, у которого преподобный Никон на пути в Рязск нередко ночевал, попробовал было повезти тачку, то с трудом мог только сдвинуть ее с места.

Несколько лет преподобный Никон подвизался в пещере, летом посвящая несколько недель путешествиям по святым местам или перевоза кирпич на построение рязского собора. Посетителей сначала у него было мало. Но слух о подвигах и духовных дарованиях преподобного быстро распространился, и число его посетителей стало увеличиваться. Приходили к нему не только из окрестных, но и из отдаленных мест с различными духовными нуждами.

Преподобный Никон принимал всех, без различия званий и состояний. Всем по мере нужды, веры и усердия каждого он предлагал потребные советы, утешения, наставления. Преподобный оказывал также помощь в болезнях душевных и телесных, причем обыкновенно мазал маслом из лампы перед стоявшей у него в келлии Печерской иконой Божией Матери, давал святую воду, ладан, артос. Иногда же он оказывал и материальную помощь бедным людям из тех средств, какие доставляли ему состоятельные почитатели и благотворители его.

Много существует рассказов о необыкновенной духовной мудрости преподобного Никона, прозорливости, предвидении будущего.

Например, дворянин Михайловского уезда Рязанской губернии Степан Никитич Полянский и супруга его, Анна Ивановна, имели всегда особое почтение и любовь к Никону Андреевичу и нередко бывали у него в разных важных обстоятельствах жизни. Полянский даже просил у старца советов о времени посева того или другого хлеба или о предполагаемой поездке по важным делам. Преподобный Никон всегда говорил ему, время или не время начинать посев, иногда предупреждая, что будут морозы или другие неблагоприятные обстоятельства, также высказывал, полезно или нет предпринимать какое-либо дело. И слова старца всегда сбывались.

Купчиха города Елатьмы Рязанской губернии Елисавета Петровна Гусева, собираясь ехать торговать восковыми свечами в Муром, на пути в который в обширных лесах

скрывались шайки разбойников, промышлявших грабежами, пришла к старцу за советом. Преподобный сказал ей: "Когда поедешь по лесу и во всяком другом опасном месте, непременно читай 90-й псалом "Живый в помощи Вышняго". Так она и делала, и Господь всегда хранил Гусеву от злых людей, сколько раз она ни ездила в Муром и другие места. Один из недобрых людей впоследствии даже признался ей, что они несколько раз подстерегали ее и все не имели возможности напасть – то слышали едущую за ней тройку с колокольчиками, то видели около нее каких-то необыкновенных всадников.

Много известно случаев исцелений преподобным. Например, по его молитвам совершенно выздоровел малолетний сын Василия Ивановича Кожина, помещика села Исад, деревни Муратовой. Мальчик Петр, будучи еще двух лет от роду, был долгое время одержим такой жестокой и упорной лихорадкой, что ее не могли прекратить никакие врачебные пособия. Родители выписывали многих врачей для лечения. Мать ребенка ездила с ним в Москву для совета со знаменитыми профессорами, и все это не приносило ни малейшей пользы. Скорбя от безнадежности видеть в живых единственного своего сына и потеряв всякую надежду на врачебную помощь, мать решила прибегнуть к безмездному и скорому врачу – богоугодной жизни старцу Никону. Преподобный помолился о мальчике, омыл и напоил больного водой из вырытого им колодца, помазал елеем из лампы перед Печерской иконой Божией Матери. Тотчас же на глазах скорбящей матери слабенький и измученный ребенок вдруг ободрился, повеселел и совершенно стал здоровый. Отдавши отрока матери, преподобный сказал: "Не бойся, раба Божия, сын твой будет жить и будет благодетель моей обители". Так это и исполнилось. Пришедши в возраст, Петр Кожин всегда имел, как и все его семейство, особое почтение к памяти преподобного Никона и благоволил женскому монастырю, возникшему на месте подвигов Никона Андреевича.

У священника села Инякина отца Павла годовалая дочь сделалась очень больна глазами. Никакие врачебные средства ей не помогали, и она почти совсем ослепла. Услышав, что Никон Андреевич излечивает больных благодатными средствами, отец Павел решил ехать к нему с больной дочерью и с женою. Когда он приехал в Сушки и стал спрашивать, где живет преподобный, одна женщина спросила его: "А на что он вам нужен?" Священник объяснил причину, а женщина говорит ему: "Да у нас в Сушках одна старушка очень хорошо "умывает" – и указала, где та живет. Не сообразившись как следует, отец Павел обратился к старухе, и она "умыла" больную девочку. Уже вышедши от нее, отец Павел одумался, что поступил нехорошо, и, раскаиваясь, отправился к преподобному Никону. Когда он с женою и дочерью вошел в келлию Никона Андреевича, преподобный сидел на стуле спиною к двери и не обращал внимания на вошедших. Отец Павел помолился перед иконами и поздоровался с преподобным: "Здравствуйте, Никон Андреевич!". "Здравствуй, – сухо ответил тот. – Что приехал?" "Да вот, батюшка, у моей дочери очень болят глаза, и я приехал просить вашей помощи и святых молитв о ней". "Гм! – произнес старец. – Зачем же ты приехал ко мне, когда уж баба умыла ее без меня? Теперь поезжай домой, у меня нечего делать". Отец Павел

стал усердно просить прощения и каяться. Тогда преподобный строго заметил ему: "А еще священник! Каким глупостям веришь! Вон, надевай ризы-то (у старца были облачения для служения молебнов священниками, равно как крест и Евангелие из сушкинской церкви) да служи молебен Божией Матери – проси Ее, Царицу Небесную!"

По окончании молебна Никон Андреевич велел жене священника поднести к нему младенца, напоил его святой водой и помазал маслом из лампы. Девочка тотчас же почувствовала облегчение и через два дня стала совсем здорова.

Приехала как-то к Никону Андреевичу купчиха из города Сапожка Рязанской губернии Ирина Антонова. Она не имела детей, очень огорчалась этим и со слезами умоляла старца помолиться, чтобы Господь даровал ей детей. Тот и говорит ей: "Не плачь и не беспокойся о детях, на лето ты совсем успокоишься". В следующем году после трехдневной болезни она действительно упокоилась навеки.

Но, несмотря на такую явную милость и благоволение Божие к преподобному Никону, он нередко подвергался и тайным, и явным искушениям, страхованиям, нападениям злых духов. Они как будто хотели запугать, расстроить, лишить его веры в милосердие и заступничество Божие, даже временами точно силились лишить его жизни. Бывало, что страхованию врагов подвергались и приходившие к старцу.

Раз зимою, ночью, в сильный мороз, когда келлия старца была заперта, к двери подошел как будто его сын Максим, он нередко приходил к преподобному, и умоляющим голосом проговорил: "Пусти меня, батюшка, согреться, я вовсе замерзаю". Никон по иноческому обычаю никого не впускал к себе в келлию без молитвы, а тут, услышав голос сына, от неожиданности сразу открыл дверь, без молитвы. И в келлию влетела большая черная птица. Старец стал творить молитвы и ограждать себя крестным знаменем, но страшная птица успела сильно ударить его крылом по лицу. У него с этого времени сделалось значительное искривление рта, которое осталось до кончины.

В числе посетителей преподобного Никона особенно много было простого люда. Многие по усердию оставались у него на несколько дней. У старца читались разные каноны и акафисты и совершались утренние, вечерние и полуночные моления. Вскоре для таких молений возле пещеры преподобного была выкопана еще одна пещера. Впоследствии, спустя много лет после смерти Никона Андреевича, в пещере был освящен храм, ставший первым в возникшей иноческой обители.

По устройстве новой келии, начиная с 1837 года (старцу тогда было уже 73 года), в ней, по желанию Никона Андреевича, стала постоянно жить очень уважавшая его сапожковская мещанка благочестивая девица Прасковья Ивановна Шапошникова. Она исполняла все возможные для нее послушания и вместе с еще одним благочестивым человеком по имени Даниил, который постоянно жил при старце, читала каноны, акафисты и Псалтирь во время продолжительного молитвенного правила, которое неопустительно совершалось в келлии утром, вечером и в полночь. Старец уже предвидел, что она будет первой игуменией основываемой им общины. Он специально разными способами испытывал ее смирение и послушание.

Устроив новую келлию, преподобный уже предвидел будущее великое назначение ее. Он прямо говорил, что в ней будут храм, и даже указывал место, где будет устроены царские врата. Это предсказание исполнилось спустя двадцать лет после его кончины.

Ясно предвидел преподобный Никон даже подробный план устройства своей обители. Однажды он ходил с Прасковьей Ивановной между деревьями неподалеку от келлии. Указывая на одно из мест, Прасковья Ивановна спросила преподобного, почему оно осталось пустым и не засажено деревьями. Старец ответил: "На этом месте нужны будут строения. Когда, Бог даст, здесь будет монастырь, тут вот будут ледник и просфорная". Впоследствии сбылись и эти слова.

Несколько позже этого разговора, когда умерла супруга Никона Андреевича – Татьяна Николаевна, он назначил место для ее погребения не у храма сушкинского, как полагалось, а недалеко от своей келлии, где прежде никого не хоронили. Некоторые из бывших при погребении покойной спросили у старца, почему он решил похоронить супругу здесь, а не у храма. Преподобный отвечал: "Посмотрите, что будет на этом месте. Вы доживете до этого времени и увидите все. И здесь будет храм, и здесь будет звучать голос Божий". Так оно и исполнилось. Спустя некоторое время здесь зазвучал церковный колокол.

Своими духовными очами преподобный Никон видел даже будущих священников своей обители. Так, от тяжелой болезни им был исцелен Александр Афанасьевич Клементовский. Помазывая его, совсем больного, из лампы перед Печерской иконой Божией Матери, старец произнес: "Ты будешь жив и здоров, молодой человек. Если мои молитвы дошли до Господа, то на этом месте будет монастырь. Ты это увидишь и будешь служить здесь, а я скоро умру". Так и случилось. Отец Александр стал впоследствии

первым священником в новой иноческой общине.

Года за два до голодных 1839–1840 годов Никон Андреевич сказал Прасковье Ивановне, чтобы она готовила сухари из лишнего хлеба и прибирала бы их в чулан в мешки. Когда Прасковья Ивановна спрашивала его о причине такого заготовления, он уклончиво отвечал: "Надо, надо сушить более, более – они пригодятся". Таким образом заготовили несколько мешков сухарей. Наступил голодный год, и преподобный Никон приказал выдавать сухари приходившим к нему бедным голодавшим посетителям.

Помогая по возможности нищим, убогим, старец при случае учил окружающих почитателей, как следует смотреть на этих несчастных, как нужно сердечно, по-братски относиться к ним.

Раз, например, к Никону Андреевичу приехала ряжская купчиха Мария Дмитриевна и вместе с ней супруга сапожковского городского головы, весьма уважавшая его. Старец пригласил за свой вечерний стол всех бывших тогда у него. Ужин состоял из редьки, гороха и каши. Богатым женщинам пришлось сидеть за столом вместе с несколькими больными, нищими, в ранах. Супруга головы сидела спокойно и немного ела, а Мария Дмитриевна чрезвычайно брезговала больными и не ела. Заметив это, преподобный Никон сказал ей: "А ты не гляди на них и ешь смелей! Хорошо бы если тебя на том свете посадили с такими-то, а то, пожалуй, хуже будет. Я бы рад с такими сидеть".

Для всегдашнего напоминания о смерти преподобный Никон за 18 лет до своей кончины устроил сам себе сосновый гроб, выкрашенный черной краской, с большим белым крестом на крышке. Он никому не позволял осматривать гроб: "Не троньте, – говорил, – это мой дом".

Года за три до кончины Никон Андреевич лишился зрения и заметно стал ослабевать силами. Перед самой кончиной преподобный Никон был чрезвычайно утешен тем, что его давнишнее желание относительно построения храма в Кирицах осуществилось. Давно уже он собирал деньги на этот храм. Все эти деньги, около девяти тысяч рублей, старец убедил Генিকে принять от него на украшение храма. "Ты, – говорил Никон Андреевич своему помещику, – устрой храм, а я сделаю внутреннее украшение в нем". И случилось чудо. Немец-лютеранин по просьбе своего русского крепостного крестьянина построил православный храм. 7 сентября 1843 года храм освятил ныне прославленный в лике святых святитель Гавриил (Городков), архиепископ Рязанский. Здесь, возле

Кирицкого храма, состоялась удивительная встреча двух святых – святителя Гавриила и преподобного Никона.

Стараниями преподобного Никона для храма был изготовлен большой колокол весом в 103 пуда. Доставки этого колокола старец ожидал с большим нетерпением и говорил: "Когда услышу глас Божий (в звуке колокола), тогда умру спокойно". Когда колокол привезли к храму, слепой старец со слезами радости ощупал его руками и, упав перед всем народом на колени, публично исповедовался во всех своих грехах за всю жизнь, прося у всех прощения и молитв о нем, грешном, перед Богом. Народ, видя такое, тоже плакал. Колокол подняли на колокольню, и Никон Андреевич с детски-чистой радостью слушал звучный благовест.

Преподобный Никон преставился ко Господу в первый час пополуночи 28 декабря 1844 года. В момент кончины от Никона Андреевича стал исходить дивный свет, лицо его разгладилось, сделалось белым и покрылось как бы блестками, какими блестит снег на солнце в сильный мороз. Свечение продолжалось около десяти минут.

Тело старца лежало в келлии до погребения четыре дня, и в нем не произошло никаких изменений. Помещик Генике сам вынес из пещеры гроб с телом бедного неграмотного крепостного крестьянина и донес его до могилы на своих руках. Согласно завещанию преподобного Никона его положили в гроб с веригами.

Прасковья Ивановна после кончины старца стала жить в его келии. Постепенно с ней стали селиться благочестивые девицы, преимущественно те, которые и прежде ходили к преподобному. В 1864 году в келлии старца Никона был освящен храм во имя Преподобномученика Никона. В 1858 году по ходатайству святителя Гавриила получено было высочайшее разрешение на открытие Сушкинской Никоновской общины. Прасковья Ивановна приняла постриг с именем Фотиния. Постепенно были сделаны необходимые для общины постройки – каменные корпуса, ограда, колокольня. В 1870 году община была возведена в ранг монастыря 3-го класса. Мать Фотиния стала первой игуменией новой обители. Так исполнилось предсказание преподобного. К тому времени с момента смерти Никона Андреевича прошло 26 лет.

По смерти своей преподобный Никон не оставлял своим покровительством и помощью сестер новой монашеской общины. Многочисленны случаи его чудесных явлений.

Через несколько лет после кончины преподобного Никона одна старушка, жившая в богадельне у сушкинской церкви (вблизи Никоновской общины), летом на рассвете увидела его в окно. Никон Андреевич ходил с аршином по невысокой траве и измерял землю, как бы определяя план какого-то здания. Старушка сообщила о виденном Прасковье Ивановне и другим сестрам. Те пришли к указанному месту и увидели на росе многие следы, обозначавшие место и план большого храма. Место это Никон Андреевич указывал еще при жизни. Сейчас же Прасковья Ивановна послала за священником и за владельцем фабрики Карлом Генике. Те пришли и с удивлением смотрели на явственные, долго не обсыхавшие на траве, следы. Карл Генике сказал, что у него, к сожалению, нет денег на постройку храма. Одна благочестивая женщина взялась его построить. Вскоре на этом месте был возведен большой семипрестольный храм.

Крестьянка Марфа Семеновна (впоследствии монахиня Мелитина) спустя несколько лет после кончины Никона Андреевича раз возвращалась ночью после чтения Псалтири в его келлии домой. Проходя мимо могилы преподобного, она увидела свет, исходивший из нее как бы струями, которые волновались и имели разнообразное движение. При блеске этого света она видела на могиле Никона Андреевича разные, необыкновенного вида и чудной красоты, цветы – розовые, желтые и зеленые.

Свет на могиле Никона Андреевича видела раз во время темной ненастной ночи и Прасковья Ивановна. Видели в ночное время на могиле свет и некоторые из сушкинских крестьян.

После смерти преподобного Никона продолжались чудеса исцелений по его молитвам.

Деревни Засечья Сушкинского прихода крестьянка Дарья Дементьева целый год была больна и не владела одной рукой и ногой, как пораженная параличом, временами же страшно кричала. В первую годовщину по кончине преподобного Никона ее привезли в его келлию. Она отслушала в сушкинском храме литургию и панихиду по Никону Андреевичу, а потом напилась воды из вырытого им колодца и в скором времени выздоровела.

Находившаяся в Никоновской Сушкинской общине девица Домника (впоследствии монахиня Фомаида) около пяти лет была скорчена так, что не могла не только ходить,

но и вставать без посторонней помощи, и лежала в постели. Однажды игуменья Фотиния принесла к ней костылик преподобного Никона и, держа его в руках, сказала Домнике: "Ухватись за него и вставай". Домника ухватилась, начала понемногу приподниматься, наконец встала и вышла за игуменией на улицу, в сад. Вскоре после этого она окончательно выздоровела...

Таково житие преподобного Никона Сушкинского. Его же святыми молитвами да сподобимся и мы милостей у всещедрого Бога.

Иеромонах ВИТАЛИЙ (Уткин)

(В статье использованы цитаты из книги протоиерея Симеона Соловьева "Жизнеописание старца-подвижника, пустынника Никона Андреевича Щербакова, основателя Сушкинского женского общежительного монастыря". Рязань, 1910).

{loadnavigation}